Мусоргский М.П.

18/III 89

Вечер. Москва. – 1989. – 18 марта

Суббота, 18 марта 1989 года

Сыны Отечества

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОРТРЕТА

К 150-летию со дня рождения М. П. МУСОРГСКОГО

Они сидели друг против друга — знаменитый живописец и его модель. Художник, примостившись у стола, быстрыми точными мазками спешил запечатлеть человека, ибо знал, что дни его сочтены. А человек — в больничном кресле, в широком теплом халате с малиновыми отворотами, подаренном ему другом — композитором Кюи, смотрел вдаль поверх головы художника, как будто видел там нечто, ему одному ведомое, совсем не думая, вероятно, о себе, своем положении.

Большая палата петербургского николаевского военного госпиталя была залита солнцем. Стояла ясная весенняя погода, и эти четыре сеанса, которые были даны художнику Илье Ефимовичу Репину (со второго по пятое марта 1881 года), стали последними светлыми днями в жизни великого русского композитора Модеста Петровича Мусоргского.

17 марта 1881 года в петербургской газете «Голос» между торговыми и прочими объявлениями появился некролог: «Модест Петрович Мусоргский скончался сего 16-го марта. Панихиды имеют быть в церкви Николаевского военного госпиталя на Песках, в 1 час пополудни и 8 часов вечера. Вынос тела в Александроневскую лавру и погребенье в среду, 18 марта, в 9½ часов».

А 26 марта в той же газете появилась статья В. В. Стасова «Портрет Мусоргского», которая воздавала должное мастерству Репина, сумевшего сохранить для истории образ гениального соотечественника. «...Ведь Мусоргский, — писал Стасов, — один из самых крупных русских музыкантов... Создания его займут великую страницу в истории русской музыки... Портрет Мусоргского уже отныне может вполне считаться народным достоянием: еще не видев его и только вследствие известия, что г. Репин пишет портрет Мусоргского, его купил, за глаза, П. М. Третьяков — а ведь всю свою чудную коллекцию русских картин... он уже теперь завещал московскому публичному музею, т. е. русскому народу».

В статье этой Владимир Васильевич Стасов писал о том, что Репин был связан с Мусоргским дружбою и от «всей пламенной души любил и понимал» его музыкальные творения. «Оттого-то и портрет вышел у него,— продолжал Стасов, — таков, что без волнения и радости не взглянет на него никто из тех, у кого есть истинное художественное чувство в душе».

Сегодня у нас как-то все еще принято писать о людях искусства отвлеченно от их человеческой судьбы. Но в те годы, когда жил и творил Мусоргский, личная жизнь художника обычно не изымалась из его биографии, поэтому и Илья Ефимович Репин в своих воспоминаниях уделяет жизни Мусоргского немало строк. «Мне посчастливилось, — пишет он в книге «Далекое и близкое»,— близко наблюдать процесс создания «Хованщины» и других шедевров этого вдохновенного мастера и слышать его самого, слышать, как он пел и исполнял свои творения, неожиданно яркие и всегда самобытные». Разделял Репин и творческие принципы композитора, утверждавшего, что в любом сюжете важны «мысли живые, живая беседа с людьми».

Желание вести диалог со слушателем заполняет все творения Мусоргского. Как естественны, правдивы образы его гениальных опер — «Бориса Годунова», «Хованщины», «Сорочинской ярмарки»! Как остры и ярки характеристики героев его вокальных произведений: «Семинарист», «Светик Савишна», «Песни Мефистофеля в погребке Ауэрбаха» (больше известной, как «Песня о блохе»).

Познакомившись с произведениями Мусоргского в классе своего учителя Д. А. Усатова в Тифлисе, Ф. И. Шаляпин вспоминал: «То, что играл и пел Усатов из Мусоргского, ударяло меня по душе со странной силой... Мусоргский бил мне в нос густой настойкой из пахучих родных трав. Чувствовал я, что вот это, —действительно русское... что-то во мне, помимо сознания, тянулось к Мусоргскому».

Федор Иванович Шаляпин был одним из самых ярких исполнителей музыки Мусоргского и в опере, где его образы царя Бориса и Досифея в «Хованщине» стали артистическим каноном, исполнительской классикой отечественного и мирового оперного искусства. Но не менее ярко он пел и его вокальные сочинения, шедевром его исполнения считалась «Песня о блохе».

Талант Мусоргского формировался во второй половине XIX века, когда забурлила, сдвинулась общественная жизнь России, ее наука, литература, изобразительное искусство, музыка, публицистика.

Отмена крепостного права вызвала новую волну интереса к судьбам народа, его искусству, языку, эпосу. В этот период и появилась в Петербурге группа музыкантов, объединенных М. А. Балакиревым, получившая впоследствии, с легкой руки Стасова, название «Могучей кучки». Все они были молоды, полны энергии и желания продолжить дело М. И. Глинки и А. С. Даргомыжского, утверждая национальное в отечественной музыке. Пародируя тогдашних критиков, нападавших на кучкистов, Ц. А. Кюи писал: «Вот уже пятнадцать лет, как у нас появилась «шайка» каких-то самозваных музыкантов, псевдокомпозиторов и начала бесчинствовать. Явились какие-то Балакиревы, Кюи, Бородины, Корсаковы, Мусоргские, какие-то инженеры, химики, моряки, преображенцы, вздумали сочинять, нагло попирая ногами все правила искусства». Действительно, почти все они были дилетантами, в нашем понимании (без высшего специального образования, кроме Н. А. Римского - Корсакова, окончившего, уже будучи морским офицером, Петербургскую консерваторию). Но все они были более чем профессионалы.

Не получил систематического музыкального образования и Мусоргский, хотя учился игре на фортепьяно, любил и знал обширную музыкальную литературу с детства. Потомок царской крови, ведущий свою родословную от Рюрика (через князей Смоленских), он был менее других приспособлен к жизни. Свою блестяще начатую в 13 лет в школе гвардейских подпрапорщиков, а в 17 — в Преображенском полку военную карьеру он оставил. В его судьбу ворвалась музыка, кружок Балакирева, волна сочинительства и захватывающая работа над оперой «Борис Годунов», борьба за ее постановку на императорской сцене. Многие современники не могли оценить величия его таланта, лишь с годами круги его славы разошлись по странам. Как и Достоевский в литературе, Мусоргский в музыке обрел всемирную известность. Многих поражала и поражает его независимость, искренность в выражении своих музыкальных идей. Его называли неким «богом музыки» (Клод Дебюсси), «Ильей Муромцем русской музыки» (Юрий Шапорин). Его имя, бывшее почти в забвении у современников (можно вспомнить факт непомещения портретов его и Бородина по требованию заказчиков в картину И. Е. Репина «Славянские композиторы»), ныне стало символом русской музыки, и 1989 год, объявленный ЮНЕСКО «Годом М. П. Мусоргского», — свидетельство этого признания и уважения.

Только сам композитор так и не узнал о будущей своей славе, окончив жизнь в сорок два года, хотя на портрете И. Е. Репина мы видим почти старика.

«Когда я познакомился с биографией Мусоргского, — писал Шаляпин, — мне даже, помню, жутко стало. Обладать столь прекрасным, таким оригинальным талантом, жить в бедности и умереть в какой-то грязной больнице от алкоголизма! Но потом я узнал, что не первый русский талант кончает этим, и воочию убедился, что на горе наше Мусоргский не последний кончил так».

Илья Ефимович Репин тоже пишет об этой пагубной стороне жизни Мусоргского. «...В самом деле, невероятно, как этот превосходно воспитанный гвардейский офицер, с прекрасными светскими манерами, остроумный собеседник... неисчерпаемый каламбурист, едва оставался без Владимира Васильевича (Стасова), быстро распродавал свою мебель, свое элегантное платье, вскоре оказывался в... дешевых трактирах,... уподобляясь завсегдатаям типа «бывших людей».

Репин пишет и другое: «Бесконечно жаль, что Владимир Васильевич Стасов не дожил до полного торжества русской музыки в лице Модеста Петровича Мусоргского, особенно теперь, когда во всем мире сделались желанными его произведения». Но Стасов предвидел и это, когда в предисловии к очерку «Памяти Мусоргского» писал: «С нас достаточно и той счастливой гордости, что мы были современниками одного из самых великих людей русских».

Счастливой гордостью наполняются и наши сердца, его далеких потомков. Мы видим, как музыка Мусоргского остается актуальной и жизненной в наше время. Он и сейчас один из самых известных в мире русских композиторов.

В день его рождения, 21 марта, в Большом театре в Москве, в Кировском в Ленинграде, как и в театрах других городов и стран, будут звучать бессмертные произведения Модеста Петровича Мусоргского.

Эта музыка будет звучать всегда.

Г. СОБОЛЕВА.

НА СНИМКАХ: **портрет М. П. Мусоргского работы И. Е. Репина; М. П. Мусоргский в форме офицера Преображенского полка.**